
МНОГОЦВЕТЬЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ

Богдан Лема
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Леонтьев Владимир (литературный псевдоним Богдан Лема) — член Бобруйского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор 22 книг и развивающих пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста, выпущенных в свет минскими издательствами «Сказ», «Аверсэв» и московским издательством «Айрис-Пресс» общим тиражом более 500 000 экземпляров. Является основателем и руководителем «ЭШЛИ» (Экспериментальная школа литературного искусства).

ДОБРОДУШНЫЕ БОБРЫ

Работающие бобры
Взяли в лапы топоры
И пошли рубить осину,
Бревна делать для плотины.

Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.
Дерево качается,
Щепки разлетаются.

— Уберите топоры,—
Крикнул ежик из норы,—
Под осиной теплый дом,
В нем с ежихой мы живем.

Говорят ему бобры:
— Не ломаем мы норы —
Под осиной был твой дом,
Будет он теперь под пнем.

Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.

Новый ствол качается,
Щепки разлетаются.

— Кто здесь мне желает зла? —
Вылез дятел из дупла. —
В дереве хоть тесный дом,
Но тепло и сухо в нем.

Дятел слышит от бобра:
— Тесный дом сменить пора.
Рядом дуб, а там дупло.
Широко в нем и светло.

Дятел согласился
И переселился.
Дерево упало,
Начинай сначала.

Дзынь— бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.
Третий ствол качается,
Щепки разлетаются.

— Гули-гули, что за шутки? —
Плачет сизая голубка.—
У меня птенцы в гнезде,
Не оставьте их в беде.

Посмотрели вверх бобры
И убрали топоры.
— Нет уж, не бывать беде,
Пусть птенцы живут в гнезде.

Мы пойдем к другой осине
Бревна делать для плотины...
Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках...

Возвели бобры плотину.
В теплой хатке из осины
Новоселье отмечают,
Дорогих гостей встречают.

За столом, за чашкой чаю
Новоселов поздравляют
Дятел, сизая голубка
И ежи в колючих шубках.

САМЫЙ-САМЫЙ СТРАШНЫЙ КОТ

Под столом играли мышки,
Вдруг помчались кто куда.

Испугались шалунишки
Ваську, рыжего кота.

Напугав своих соседей,
Васька ошетилил хвост
И мяукнул: «Я на свете
Самый-самый страшный кот».

Перелез через порог
Бобик, маленький щенок.
«Фыр-р! — усатый кот поднялся,—
Не пушу тебя я в дом».
Бобик Ваську испугался,
Развернулся и бегом...

Васька ходит по квартире,
Как начальник, взад-вперед
И мурлычет: «Да, я в мире
Самый-самый страшный кот».

Попугай порхнул из клетки,
Сел на мягкую кушетку
И давай дразнить кота:
«Кот хвостун! Боюсь хвоста!»

Рассердился рыжий Васька:
«Попугай, ну, погоди!»
И пошел за ним гоняться,
Все сметая на пути.
Со стола упала ваза,
Раскололась пополам.
Из подушки перья разом
Полетели по углам.

Дверца с зеркалом открылась,
Дверца скрипнула легко.
Замер кот. Там появилось
Отражение его.
Только кот не догадался —
Кто в ответ ему фырчал.
Сам себя он испугался
И под штору убежал.

Васька, рыжий хвост, подумал:
«Есть коты страшней меня.
Нет, я больше злым не буду,
Лучше добрым буду я».
Через час сидели вместе
На крылечке без забот
Мышки, добрые соседи,
Попугай, щенок и кот.

Нина Енбулаева
(г. Пинск, Белоруссия)

Родилась в г. Пинске Брестской области в 1949 году. В 2011 г. в типографии города Пинска вышел в свет ее дебютный авторский сборник детских стихов и загадок «Солнечный зайчик». Печаталась в альманахах «Пинщина литературная», «Струменя серебряные струны», «Своя стихия», «Фантазии серебряного облака», в детском сборнике «Карусель», в коллективных сборниках «Кружева полесских зарниц», «Сила слабости», «Созвездие любви», «Лит.Аура».

СИРОТА

Я одинокою была и было грустно мне.
Сегодня котика нашла в подъезде на окне.
Мы породнились в тот же миг, он одинок как я.
Теперь со мною озорник, мы — верные друзья.
Несу я родственника в дом — и сразу на кровать.
С пушистым маленьким котом мы вместе будем спать.
Но только маму не понять — не по душе родня.
Кота не разрешила взять, и снова я одна.
Пытаюсь маме объяснить, что от тоски умру.
Должна кого-то подарить: хоть брата, хоть сестру.

ПРЯТКИ

Мама вымыла окошко.
Подождал Паук немножко,
А когда легли все спать,
Паутинку начал ткать.

Смотрит мама: «Что за чудо?
Снова мыть окошко буду!»
И давай стекло тереть,
Чтоб на улицу смотреть.

Паучок был хитрый очень:
Подождал начала ночи,
Заработался, устал,
Но ковер к утру соткал.

Мама раненько проснулась
И сыночку улыбнулась.
На окошко глянула —
В ужасе отпрянула:

«Где же прячется затейник?
Вот возьму побольше веник!..
Что же за хитрец такой
Шутит по ночам со мной?»

Паучок сидит под крышей
И, конечно, маму слышит.
Ей его не отыскать:
Ночью снова будет ткать!

Ирина Денисова
(г. Витебск, Белоруссия)

ПИСЬМА — ЭТО КНИГА ДЛЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Моя мама всегда находила себя в литературе. Будучи при этом математиком. Мой папа ходил в море и занимался фотографией. Мой дед — по долгу службы — много путешествовал и долгое время жил в Грузии. Похоже, то, что у меня есть, я вобрала в себя с молоком матери, с табаком отца и с кавказскими винами деда...

1. Письма — это книга, написанная для одного человека.
2. У тех, кого мы любим — недостатки являются продолжением их достоинств, а у тех, кого не любим — достоинства являются продолжением недостатков.
3. Звуки делятся на согласные и несогласные.
4. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а из сердца — через кишечник.
5. Мир тесен — особенно в городском транспорте.
6. Лучше посмертно, чем пожизненно.
7. «Меня от тебя тошнит!» — сказала девушка парню, протягивая тест на беременность.
8. Национальные лотереи! Игровая зависимость стала доступнее.
9. Внутренняя установка — 51 % успеха. Контрольный пакет акций.
10. У меня сегодня разгрузочный день: разгружаю холодильник.
11. Бог дает работу пластическим хирургам.
12. Я боюсь состариться в этом доме, еще больше боюсь не состариться.
13. Слово «любимый» чаще проходит цензуру как прилагательное.
14. Что для других враки, то для писателя литературная правда.
15. Есть теория стихосложения и есть поэзия; есть теория секса и есть близость.
16. Когда обезьяна превратилась в человека, она стала есть банан ножом и вилкой.
17. Гражданский развод — это когда официально в браке.
18. Раздельное питание — это когда гражданский развод.
19. Краткость — моя сестра. А еще — скромность.
20. Вампир, пытающийся быть вегетарианцем, переходит на нервы.
21. Сколько бы брюнет ни пил кефира, он все равно будет темноволосым.
22. Играю в тетрис: укладываю все необходимое в две сумки.
23. Фраза в поезде: «Ты уже разложился?» Звучит, как обращение к покойнику.
24. Интеллигентный человек всегда пошлет собеседника, обращаясь к нему на «вы».
25. Лучшее из худшего меньше, чем худшее из лучшего, но первое выигрывает в восприятии.
26. Хочешь быть богатым, перестань экономить. Надо соответствовать своим потребностям, а не уменьшать их.

27. За стилизацией под неграмотность чаще всего стоит неграмотность.
28. В жизни должно быть место жизни.
29. У меня с ним ничего не было, только секс.
30. Живи настоящим. Во всяком смысле слова.
31. Невезение заразно? Так будем предохраняться — собственным позитивом!
32. Недостаточно просто желать здоровья. Для этого нужно что-то делать... Или хотя бы не делать.
33. И руки у нее холодные, и ноги у нее холодные, и в душе вечный огонь.
34. Мания величия: сегодня была в банке, на почте, в магазине... везде просили дать автограф!
35. Жутковато, когда мать и дочь абсолютно похожи. Вторая знает, как будет выглядеть спустя годы.
36. Близкие люди способны думать друг о друге одновременно на расстоянии. Просто энергетический online...
37. Одни спасают мир от демографического кризиса, другие — от интеллектуального.
38. Редкий русский знает русский.
39. Лучше «любим и ценим» при жизни, чем «помним и скорбим» после смерти.
40. Не хочу портить тебе жизнь... Пойду еще кому-нибудь испорчу.
41. Когда женщина не может определиться, вызвать к себе жалость или зависть, она произносит нечто подобное: «Так исхудала, что бриллиантовое кольцо сваливается...»
42. Никогда не понимала фразы «наш мозг», «наш организм» и т. п. Для этого нужно иметь сиамского близнеца. У меня нет ни с кем общих органов.
43. Когда твое отчаяние достигнет последней точки, ты будешь выглядеть шикарно не ради чего-то, а вопреки всему.
44. Пассивная помощь — это когда человек по сути ничего не делает, но помогает своим присутствием.
45. Хуже поноса только запор.
46. Качество определяет концентрат.
47. Для писателя главное — стержень. Хоть какой.
48. Пресыщение — это запах кофе в твоей комнате. Ты находишься в ней и не ощущаешь аромата. Нужно выйти и войти.
49. Гениальным мстят, талантливых ненавидят, способным завидуют ... с нормальными сходятся, дураков любят, потому что те напоминают о собственном превосходстве.
50. Мой друг пригласил меня в кино... сниматься!
51. Говорят, хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах. Рассказывала... не смеется.
52. Логика — это когда ты покупаешь квартиру, а потом выбираешь светильник. Экстрасенсорика — это когда ты выбираешь светильник, а потом покупаешь квартиру.
53. В конкурсе побеждает только тот, кто в нем не участвует.
54. Обещание — это своего рода пари с высшими силами. Но Всевышний предпочитает быть соавтором, а не спорщиком.
55. Свидетель на свадьбе как поручитель. Ему и супружеский долг возвращать, в случае чего...
56. Использовать некоторые старые вещи — это все равно, что донашивать свадебное платье.
57. Мама-волчица пугала детей: «Будете плохо себя вести, придет человек...»
58. Мышь погрызла диплом о высшем образовании. И случилось у нее несварение. Вывод: высшее образование способно навредить здоровью.

59. Я хочу заниматься любовью с жизнью, даже если у кого-то из нас критические дни.
60. Духовная пища тоже обладает энергетической ценностью, т. е. калорийностью.
61. Есть красивые и есть декоративные люди.
62. Если от человека исходит запах, возможно, в нем кто-то умер и до сих пор разлагается.
63. Творческие сходки — это аномальные зоны. Количество себе подобных на одном квадратном метре превышает норму.
64. А два писателя под одной крышей — это и вовсе радиоактивная территория.
65. Прежде чем загадывать желание, обратите внимание на прайс-лист. Почти любое желание исполнимо, но вас устроят расценки?
66. Вначале ты думаешь, что после тридцати не живут, потом — до...
67. Для людей со сверхспособностями человек обычный — это эффект неграмотного в библиотеке.
68. С хорошим человеком можно и выпить, и покурить за здоровье.
69. Снайпер и скульптор не имеют право на нервы. Артист — это и то, и другое.
70. Самая лучшая месть — быть человеком, довольным жизнью.
71. Направляясь в продовольственный отдел: надо спасти свою мышь от суицидальных мыслей...
72. Когда превосходишь сам себя, прошлое отваливается штукатуркой. Вольно или невольно.
73. Ты любишь меня по нечетным числам, мне повезло: високосный февраль...
74. Вначале нужно проложить рельсы, а потом пустить по ним поезд. Но случаются и парадоксальные ситуации. Тебе дают поезд, а потом ты выстраиваешь под него железнодорожную магистраль.
75. Внешние обстоятельства призваны объединить внутренних противников.
76. Моль заходит в кафе: «Шерсть, пожалуйста...»
77. Чеснок — самый надежный контрацептив: никто не позарится.
78. Я не жду после радости неприятности, я плачу налог на счастье.
79. С одними случаются романы, с другими — афоризмы.
80. Красавица и чудовище — это театр одного актера.
81. Раньше работала на третьем этаже, теперь — на четвертом. Пошла на повышение.
82. Несчастливым быть удобно. Ты выдаешь себе индульгенцию на лень и пассивность. Сделай мне неудобно.
83. Сегодня познакомилась с Сергеем Васильевичем. Нет, все-таки удивительный человек, этот Рахманинов.
84. У меня снова выросли крылья. Видимо, те, первые, были молочными.
85. В каждой ситуации есть узкий коридор, по которому можно пройти. Ты не увидишь его до тех пор, пока не научишься ходить по этим узким коридорам.
86. Мое сознание перешло в другую весовую категорию.
87. Я не хочу, чтобы ты на меня смотрел, я хочу, чтобы ты меня видел.
88. С одним человеком хорошо разделить ужин, с другим — жизнь.
89. Хотела сделать тебе предложение, да руки заняты.
90. Пропорция один к пяти: интеллектуальный возраст — девяносто, духовный — восемнадцать.
91. О себе: в меру молодая и не в меру свободная женщина.
92. Мои потребности не соответствуют моим доходам. Мои доходы превосходят мои потребности.

93. В любом соприкосновении воздухообразующие компоненты — уважение и внутренний комфорт.
94. Нас, скорпионов, все боятся. А что нас бояться... Мы убиваем нежно, закапываем аккуратно.
95. Поцеловать тебя во все квадратные сантиметры, отведенные «просто другу»... и даже посягнуть на соседнюю территорию.
96. Односторонняя любовь — это лампочка, которая горит, даже если нет электричества.
97. В переполненных общественных местах у меня возникает «чувство Титаника».
98. Интересно, надпись «белорусские товары» — это рекламный ход или предупреждение...
99. Интеллигентная девушка пыталась проникнуть в сомнительное заведение, но не прошла фейс-контроль.
100. У меня в почках образуются камни. Бриллианты.
101. Витебск. Антикафе. Джаз. Переместиться на край дивана и быть на 5 сантиметров ближе к музыке...
102. Сливки общества. Подсела на высококалорийные продукты.
103. Очередной поход в домоуправление. Повышаю свою квалификацию борца с ветряными мельницами.
104. Некоторые отношения заканчиваются, так и не успев начаться. Осознание того, что это не твой человек, экстерном.
105. Во время решения этой ситуации ни одна нервная клетка не пострадала
106. У каждого желания свой срок. Заходишь в ресторан, заказываешь коньяк 5-летней выдержки. И все. Они пошли готовить.
107. Лица белорусской национальности на дне независимости искали дно независимости...
108. Худенькие девочки любят демонстративно фотографироваться с едой.
109. Снимок на память?
110. Родной человек — это номинация на лучшую мужскую роль в твоей киноленте.
111. В день знакомства купить бутылку дорогого алкоголя для того, чтобы распить ее по случаю развода... и никогда не открыть.
112. Ты читаешь мои мысли на расстоянии полуметра, просто блютуз какой-то!
113. Озеро. Лучший способ разбавить жизненные концентраты водой.
114. Одна любовь и весь мир — это все, что мне нужно.
115. Самые сильные произведения — это удел взрослого удовлетворенного человека. А «писать кровью» я не намерена: гемоглобин падает!
116. Я хочу от него... саму себя. Спокойную, невесомую и чтоб глаз горел.
117. Некоторые люди — это контрацепция на уровне разума. Одно их благотворное присутствие защищает от связей, которых может не быть.
118. Если одновременно открыть двери в прошлое и будущее, то образуется сквозняк.
119. Хочешь сбросить лишний вес... для начала выбрось камень из-за пазухи.
120. Настоящий друг не годится в анестетики... он может быть только живой водой.
121. Пунктуальность — это еще один мой недостаток. О какой личной жизни может идти речь...
122. Ты сказал, что никогда не читал моего юмора. Только слышал. Стало быть, я — аудиокнига.

123. Поговаривают, для того, чтобы желание исполнилось, его необходимо записать... Ничего не происходит? А вы оформили заявление?
124. Счастье бывает врожденным и приобретенным. Даже если вас изначально поставили не на те рельсы.
125. Я ношу солнцезащитные очки. Хочу защитить хрупкий внешний мир от солнца во мне.
126. На каждую женщину с короткой стрижкой найдется длинноволосый бог.
127. Если я для него свой парень, то он для меня лучшая подруга.
128. Он попросил у нее автограф. Через месяц роспись.
129. Заниматься любовью с жизнью можно и вдвоем... Но я предпочитаю присутствие еще одного человека.
130. Мы с ним высокоорганизованные люди. Он — высокий, я — организованная.
131. Твои мысли настигают меня даже за границей. Энергетический роуминг.
132. Дверь открыта. А я стучусь в соседнюю камеру.
133. Санкт-Петербург однообразно бесподобен. Спасибо региональному ангелу-хранителю за праздник жизни.
134. Непревзойденный тест на окружение: потерять телефон со всеми контактами.
135. Плагиатничаю, когда окружаю себя людьми со знаком плюс. Когда учусь у них благородству и счастьем...
136. Писательница зацепилась за что-то колготками и побежала строчка.

Василий Мельников
(г. Минск, Белоруссия)

Василий Мельников родился в городе Минске. С отличием окончил БГЭУ (бывший БГИНХ им. В. В. Куйбышева по специальности экономика и организация общественного питания). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с августа 2014 года. Лауреат Республиканского творческого конкурса «Литературная крона-2014», лауреат Международной литературной Премии им Семена Полоцкого 2015 года в номинации «Поэзия», лауреат 3-его Международного литературного форума «Славянская лира 2016» в номинации «Художественный перевод». Автор трех поэтических сборников: «Поезд времени» (Минск, 2009), «Аквилон» (Смоленск, 2014), «Озимь» (Минск, 2015).

ПАМЯТИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

*(Перевод с украинского языка на русский
стихотворения Моисея Фишбейна)*

Властитель тлена, битого стекла,
Воспоминаний высохших кореньев,
Осенней птицы, утонувшей с пеньем,
В чьем горле речь речная проросла,—

Над ним сомкнулась стылая вода.
И зелень глаз познала Солнца смертность.
О, Нечто схоронившая поверхность!
О, зыбкая без надписи плита!

В ночной пустыне срезан песен колос,
Но в бесконечность расцветает Голос
Из-под воды, наполнив паруса,—

Заглянут в городок немые тени;
Сквозь забытье ушедших поколений
Их будут слушать юности глаза.

РАДОСТИ БЕЗ ПРИЧИН

*(Перевод с французского языка
стихотворения Сюлли-Прюдому «Joissanscauses»)*

Причины бедствий на виду у всех.
Но тайн полны истоки благодати.

Не греет душу соболиный мех —
Ее чаруют поиски объятий.

Не спится небу на моих руках.
Вселенная — подобие расстриги —
Сверкнула счастьем в дальних облаках.
И снова тьмы тяжелые вериги.

Откуда этой радости лучи?
Из рая, что открыт наполовину,
Где звезды безымянные в ночи
Высвечивают сердца сердцевину?

Не это ли апрель ушедших лет,
Моя весна, воскресшая из пепла,
В глазах огня оставившая след?
Или надежда, что внутри окрепла?

Нет. Этот тайный мимолетный знак
Не отопрет воспоминаний дверцу;
В заблудшем счастье — из толпы зевак —
Он жданный шаг к обманутому сердцу.

БОГОЯВЛЕНИЕ

*(перевод с французского языка
стихотворения Леконта де Лиля «Epiphanie»)*

Юной невестой сурового края
Там, где в озерах прохлада ржавеет,
Явит себя Ее стать неземная
С тайной небес, с лебединою шеей.

Росами сны осыпает Меркурий.
Ясень с березой роднятся листвою.
А для Нее в отраженной лазури
Бабочки пляшут над шалой водою.

И дуновение ветра украдкой
Волосы гладит, свиданье пророчит.
Прошлое — пепел. Сверкают загадкой
Эти глаза, как полярные ночи.

Эти глаза без желаний и тени
Не замечают стараний виконта.
И обреченного мира ступени
Держат бесчувственный край горизонта.

Стойкий Хранитель амурных капризов
Будет с балконов Авроры склоняться —
Только б увидеть порхающий призрак
В складках бессмертного белого платья.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

*(перевод с французского языка
стихотворения Леконта де Лиля «Lederniersouvenir»)*

Я жил и умер.— Не закрыв глаза,
Стекаю слепо в зыбкую пучину.
Агония... Чужие голоса...

Мертвея, попадаю в горловину
Забвения вне времени и стен
Сквозь Немоту и Мрака пуповину.

Ни чувств, ни мыслей не имеет тлен.
Что эта жизнь? В мои какие годы
Любовь и Солнце я стряхнул с колен?

Густая тьма. Сознания пустоты.
Безмолвия отечные уста.
Прозрачных снов изглоданные соты.

С ущербной плотью признаки родства.
О, ночь небытия, возьми меня!
Одна лишь вещь страшится естества —

Не бьется сердце... Вспоминаю я.

СЛЕЗА

*(перевод с французского языка
стихотворения А. Рембо «Larme»)*

Вдали от птиц, от стад и от селянок
Я пил, угодя вереска примяв,
В компании орешника и склянок
В тумане и тепле зеленых трав.

Что мог я пить на молодой Уазе*
Под хмурым небом, искривившим рот?
Что я тянул из фляги колоказий**?
Хмельную страсть, бросающую в пот.

Я был убогой вывеской харчевни.
Потом гроза. И вечер наповал...
Черны озера, жерди у деревни,
Деревьев колоннады и вокзал.

Вода с песком справлялись о ночлеге.
А ветер льдинки сыпал в створ болот...
И, как ловец сокровищ или неги,
Могу сказать, что пил я без забот.

---

* Уаза — река на севере Франции.

** Колоказия — съедобное растение в восточных странах.

АЛЬБАТРОС

*(перевод с французского языка
стихотворения Ш. Бодлера «L'albatros»)*

Для развлечения моряки на судно
Берут с собой огромных птиц морей,
Что к кораблям привязаны подспудно
Натянутой улыбкой якорей.

На палубе стыдливо — от бессилья —
Пернатым королям морских широт
Приходится свои большие крылья
Таскать, как весла из прибрежных вод.

Как неуклюжа поступь альбатроса,
Недавнего кумира высоты!
Один дымит у клюва папиросой.
Другой играет жертву хромоты.

Поэт похож на принца туч повадкой.
Застрельщик бурь в просоленной судьбе.
Но крыльев ширь с небесною облаткой
Ему в толпе мешают при ходьбе.

СООТВЕТСТВИЯ

*(перевод с французского языка
стихотворения Ш. Бодлера «Correspondances»)*

Природа — собор, где живые колонны
Сплетают слова из ветвей и стеблей,
А в зарослях символов вольность полей,
Пытливые взгляды, знакомые кроны.

На длинные эха — не в силах расстаться —
В туманном глубоком единстве криниц
Огромном, как ночь и как свет всех зарниц,
Цвет, запах и звук откликаются вкратце.

Есть запах свежее дыханья младенца,
Нежнее гобоя и мягче травы.
А есть и другие, пьянящие сердце,

Впитавшие жадно простор синевы,
Как амбра и мускус, как смолы и мята;
В них страсть роковая восторгом объята.

Александр Морозов

(дер. Филипаны, Островецкий район,
Гродненской обл., Белоруссия)

Александр Морозов — дебальчанин, временно проживающий в Беларуси. Автор 26 книг. Член Правления Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» и Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины». Лауреат ряда литературных премий и фестивалей в номинации «Поэзия». В данной подборке знакомит русскоязычную аудиторию с творчеством двух современных украинских поэтесс. «Мне приятно осознавать то, что я причастен к литературной судьбе Юли и Ларисы — первая книга стихов Ларисы Ковальчук была издана мною, а Юлия Бережко-Каминская стала обладателем Гран-При Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», который до войны проходил в Дебальцево».

Юлия Бережко-Каминская **ПОЛЕ МЕСЯЦ ЗАЛИЛ НЕНАДКУШЕННЫЙ** *(перевод с украинского)*

Поле месяц залил ненадкусенный,
Тыква вверх подтянулась на усиках.
Что же сделала с нашими душами
Твоя музыка?

То ли ночка полынью играется:
А кузнечики — вроссыпь по полю,
Толи, может, в себе собираю я
То, что станет великой оперой.

Сквозь безмолвие — звуки слушаю.
Ночь пульсирует сухотравами...
Городским не живу здесь удушьем —
Доминантами и октавами,

Переливами хитросплетения,
Сверхзвучанием, перебродами...
По хрустальным схожу ступеням я
Под твои поднебесные своды.

Юлия Бережко-Каминская
А ТЫ ЗНАЕШЬ,— НЕ ИЩИ ОТВЕТА
(перевод с украинского)

А ты знаешь,— не ищи ответа
И про то не вымолвить словами.
Осень — как бы пережиток лета,
То, чего не будет между нами.

Отлетит, как блеклая полова,
Станет ближе нам до самой сути.
Небо нынче цвета голубого
И густое. Заморозок студит...

А ты знаешь,— все настолько просто:
Отпусти, когда любовь уходит.
Так давно... Начало девяностых...
И ребенок — не ребенок, вроде б.

* * *

Юлия Бережко-Каминская
(перевод с украинского)

Отцвели и яблони, и вишни,
Отцвели, уже дают плоды.
Между нами расстоянье тиши-
ны, как толстый слой воды.

Между нами — и весна, и лета,
А, возможно, осень и зима,
И покой, размолотый на ветер,
Солнце, что собой укрыла тьма.

Между нами столько накопилось,
Сохранит вода как в багаже
Нам все то, что не договорилось,
На тот берег вряд ли докатилось
И в душе не удержать уже.

Лариса Ковальчук
ОСЕННЯЯ ВСТРЕЧА
(перевод с украинского)

Вновь осень — небо плакало дождем,
как очень избалованный малыш.
Ты обещал мне встретиться еще.
Земля, куда ты из-под ног летишь?
Ты так красив, учитель каратэ,
женат, на той же прежней пани Ю.
Есть седина, но взгляд на декольте

своём ловлю, улыбку узнаю...
Как в глазки ты мне с нежностью глядел —
о том жалела часто — сотни раз...
Я отпустила — ты и улетел,
меня не взяв, а я... не отдалась...

Лариса Ковальчук
А БАБОЧКИ СИДЕЛИ НА ПЛЕЧЕ
(перевод с украинского)

А бабочки сидели на плече,
щекоткой акварельных поцелуев,
невольница из тысячи ночей
искала в них спасения от бури.
Свой тайный сон просматривал Багдад,
а месяц плыл над домом Шахрияра,
и он не знал таких Шехеризад,
не понимал — подарок или кара?
Слезам воска плавилась свеча —
она мерцала звездами на стенах,
слетели разом бабочки с плеча —
две тени обнимались на коленях.

Лариса Ковальчук
А МНЕ БЫ СЛУШАТЬ, КАК СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ
(перевод с украинского)

А мне бы слушать, как сердце бьется,
Мне б на турнире с тобой сразиться.
И свить гнездо, и подняться к солнцу,
Скажи, ты же будешь со мною птицей?
Мне ощутить бы твои ладони,
Поет Земфира и я ей верю...
Ко мне маршрутка твоя вдоль поля
Спешит. Ты же будешь со мною зверем?
Губами мне бы ловить дыханье...
Но кто-то мчится опять по встречной.
Я знаю, ты — там, где солнце раннее.
Скажи, ты же будешь со мною вечно?

Лариса Ковальчук
ПУГОВИЦЫ НА БЛУЗКЕ
(перевод с украинского)

Смотрел в глаза девчонке и как будто
Был ослеплен от солнечного лета.
«Моя Лолита», — звал ее он утром,
Ей было страшно с ним, но не об этом
Вам расскажу. На блузе взгляд горячий
Игра в молчанки, прятки, тет-а-тет,

Она как будто из другой планеты.
Он глаз таких нигде не видел раньше.
На сковородке жарятся котлеты
И Вакарчук поет о Сьюзи песню.
Ты думаешь — проклятое влечение...
Такие дамы словно наваждение,
Таких должны воспеть в веках поэты,
Их не удержат никакие узы...
Их слово каждое — тебе, как будто оды.
Вас разделяет этот стол и годы,
И пуговицы чертовы на блузе...

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

О ЛЕБЕДЕ, РАКЕ И ЩУКЕ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня очень много и многие говорят о необходимости многовекторности и «многополярности» в политике, экономике, идеологии... Впору завести разговор и о «многополярности» в нашей литературе.

Вот уже одиннадцать лет на отечественном литературном небосклоне наблюдается следующая картина: два непримиримых друг к другу союза-антагониста — Союз писателей Беларуси и Союз белорусских писателей, — периодически устраивающие друг другу «головомойку», и невесть откуда «затесавшийся» между ними Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», дрейфующий собственным курсом. При этом первые два пытаются в упор не замечать третьего, вероятно, лишь в себе любимых признавая право именоваться профессионалами.

Один из союзов — СПБ — откровенно поддерживает действующая власть. Второй — СБП — активно спонсирует Запад. Что касается Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», то до недавнего времени он пытался держаться в стороне от любых геополитических сил и сторон, будь то «белые», «красные» или «зеленые». Не примыкая ни к чуждым ему националистам от литературы, ни к славословящим власть предрержащих «придворным» песнопевцам. Однако те веяния, которые внимательный глаз читателя может заметить между строк официальных и неофициальных заявлений лидеров и активистов трех союзов, уже сейчас отчетливо выкристаллизовывают три направления, три вектора в отечественной литературе нашей страны. Если проецировать эти направления на политические партии, то мы получаем в литературе эдаких «левых», «правых» и «центристов», три самостоятельных и цельных «крыла». При этом данное деление характерно применительно как в отношении всех трех союзов к действующей в Республике Беларусь власти, так и в отношении к Европе и США или т.н. «Западу», а также к России, в более широком понятии — к «русскому миру» в целом. Только вот «полюса» эти, в зависимости от отношения к западным и восточному соседям, к политической верхушке внутри страны, странным, а порой кардинальным образом меняются.

Далеко за примерами ходить не надо. Возьмем, к примеру, Европу и США, олицетворяющие в наших глазах пресловутый Запад. Любой мало-мальски интересующийся литературой обыватель может заметить, на чью мельницу, беспощадно понося белорусские власти и соседнюю Россию, льют «воду» члены оппозиционного Союза белорусских писателей, где они ищут поддержку своим проектам, куда торопятся за моральной и материальной помощью, где предпочитают проводить свободное время при наличии средств, как своих, так и от тамошних грантов, кого ставят в пример нашим гражданам и нашей власти... Про языковые подходы этой организации вообще умолчу: здесь практически безраздельно правит бал «мова». Даже своих коллег по организации, пишущих на русском языке (коих, поговаривают, там около 6—7%),

руководители и актив Союза белорусских писателей ни в грош не ставят, не выделяя им даже отдельных страничек на русском языке для публикации произведений в литературных СМИ и альманахах этого писательского объединения.

Иное дело Союз писателей Беларуси, который, подобно маятнику, всегда в унисон колеблется вместе с «генеральной линией партии», но симпатий к «загнивающему», как правило, никогда не проявляет. Зато исключительно реверансы «излучает» в сторону первых лиц государства и профильных министерств, ведомств. Здесь практически не остается места для какой-либо критики, даже объективной. Максимум, что может позволить себе действующий глава СПБ и его окружение — намеки на «временные» трудности и проблемы, переживаемые белорусской литературой. Если и журят там, то без обозначения причин возникновения проблемы. Если и высказываются упреки, то без персонификации и указания на виновные государственные лица или органы.

С момента своего появления Союз писателей Беларуси попытался монополизировать дружбу между двумя литературами (и, соответственно, народами) — русской и белорусской. Правда, сделал он это также неуклюже, как делает все остальное: организовав «междусобойчик» с Союзом писателей России. Спору нет, крупнейшим писательским объединением в России. Но при этом, увы, интенсивно теряющим свое влияние даже на родине. «За бортом» Союза писателей Союзного государства оказались как два других писательских союза в нашей стране, так и несколько общероссийских писательских союзов. Таких, например, как Союз российских писателей, Российский союз профессиональных литераторов, Союзы писателей Москвы и Санкт-Петербурга, Союз писателей «Наш Современник» и т.д. И до сих пор остаются, что делает СП СГ неполноценным «мутантом» на теле Союзного государства Беларуси и России.

А между тем, первым о необходимости сближения с литературным сообществом восточного соседа заговорил ни кто иной, как Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Уж он-то никогда не пытался лицемерить и «катить бочки» в отношении русского языка и русской культуры, русской литературы, России в целом. Не верите? Давайте обратимся к документам. В частности, к протоколу заседания № 39 руководящего органа данного творческого союза. Протокол датирован 24 августа 2003 года (!). Замечу, СПБ тогда еще и в проекте не было, он появился лишь более двух лет спустя. Пунктом четыре в повестке дня данного заседания значился вопрос «О создании конфедерации писателей Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации». Основным докладчиком по нему выступал заместитель председателя союза, поэт, издатель и публицист Олег Зайцев. Есть и решение по данному пункту, которое гласит: «В соответствии с Договором о создании Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, а также с целью формирования единого литературного пространства, выступить инициатором и соучредителем Конфедерации писателей Союзного государства. Поручить заместителям Председателя и секретарям секций установить творческие контакты с союзами писателей России, предложив аналогичным организациям выступить соучредителями создания Конфедерации». Продолжение это решение получило в протоколе следующего, ноябрьского, заседания Совета ОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь», и выразилось оно в следующем: «Для организации контактов с писательскими союзами Российской Федерации вместо Э. Медведского назначить В. Леонтьева». Из чего можно сделать вывод, что бравшийся за решение этого вопроса бывший член союза и бывший секретарь секции поэзии так и не справился. Как и не справился с ним, как показало время, и сменивший его бывший председатель Бобруйского отделения В. Леонтьев. А может, и тот, и другой заниматься этим вопросом поленились или, по каким-то причи-

нам, не захотели. Поскольку на носу у союза был очередной съезд и празднование десятилетия организации, параллельно стартовал выпуск собственного литературно-публицистического журнала «Западная Двина», то председателю «Полоцкой ветви» вкупе с его замами стало уже не до того: данную инициативу благополучно «задвинули» в долгий ящик.

Остается лишь догадываться, по собственной инициативе либо с чьей-то подачи сделал свой ход к созданию СП Союзного государства казенный союз писателей аж целых шесть лет спустя (!). Однако парадокс странной и двусмысленной дружбы между Союзом писателей Беларуси и Союзом писателей России заключается еще и в том, что сам Союз писателей Беларуси в лице своего предводителя пытается балансировать между интересами русскоговорящего большинства и весьма агрессивно настроенного «беларускамовного», но хорошо организованного и сплоченного, меньшинства своих членов. Отсюда и прозвучавшие всего через два с половиной месяца после проведения учредительного съезда СП СГ выпады в адрес пророссийски настроенного писателя-прозаика из Витебска Андрея Геращенко (Сайт «Новости Алтая», 15.02.2010 г., <http://newsaltay.ru/index.php?dn=news&to=art&id=1815>), кстати, члена СПБ. А также, что характерно, бывшего члена Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». И весьма странные инициативы-призывы, озвучивавшиеся нынешним председателем СПБ Н. Чергинцом в адрес ряда организаций — и военных, и гражданских, и коммерческих компаний, и государственных органов — о постепенном введении курсов белорусского языка. Вплоть до сокращения на час рабочего времени для тех, кто готов на соответствующих курсах этот язык изучать (Сайт «Литкритика», 03.12.16 г. <http://www.litkritika.by/categories/literatura/559/4256.html>).

Так уж случилось, что все три белорусских республиканских писательских объединения являются членами Международного сообщества писательских союзов. А их лидеры в разные годы входили в состав руководящего органа (Исполкома) МСПС. Сегодня там обретается действующий председатель СПБ Н. Чергинец. Он же входит и в состав редколлегии печатного органа МСПС — «Общеписательской литературной газеты». Частенько бывая в первопрестольной на мероприятиях международного объединения, Николай Иванович, между тем, редко балует своим вниманием и присутствием коллег по перу из иных зарубежных объединений писателей, входящих в данную структуру, вне протокольных заседаний. Возможно, из-за занятости, а возможно, считая это ниже своего достоинства. Как же — высокий правительственный чиновник, к тому же — генерал милиции, и прочая, и прочая. Во всяком случае, о его проживании в писательском городке Переделкино никто из них не припомнит. Может потому не заладились у него отношения с лидерами союзов писателей СНГ, ближнего и дальнего зарубежья? Даже с теми, кто пропагандирует у себя в стране «русский мир» и русский язык.

Заладились они разве что с Валерием Ганичевым, председателем СП России. Да и то, подозреваю, по указке сверху. Давеча в стенах Дома литераторов в Минске состоялся третий съезд СПБ, благополучно и единогласно избравший Николая Ивановича на очередной срок. Интересно, что на всякий случай «домашней заготовкой» стало внесение в Устав СПБ за полтора года до съезда должности почетного председателя. Разумеется, что два других писательских союза страны на это мероприятие никто не пригласил. Зачем портить праздник, еще ляпнут чего. И тут невольню подумалось, не у Валерия ли Николаевича Н. Чергинец учится умению быть руководителем-долгожителем Союза писателей Беларуси? После одного из последних съездов, где В. Ганичева в очередной (какой по счету?) раз переизбрали на пост руководителя писательского объединения, один из членов руководящего органа данного союза как-то откровенно сказал мне, что с данной должности восьмидесятитрехлетний старец уйдет разве что вперед ногами. Незавидная участь, доложу я вам.

Впрочем, возвращаясь к отечественной литературе, можно с уверенностью сказать, что она переживает глубокую стагнацию. И это утверждаю не я, это утверждает статистика. С которой, как известно, не поспоришь. Вот что сообщает Национальный статистический комитет Беларуси о результатах книжной деятельности 2015 года (по 2016-му данных пока нет): количество книг, выпускаемых в Беларуси, довольно скромное — по 2,3 экземпляра на человека в год. К тому же, значительную часть выпускаемой литературы составляет учебная литература (28 % от общего количества печатных единиц) и учебно-методическая литература (20,3 %). Литературно-художественные издания составили всего 6,4 %. В основном книги в 2015 году издавались на русском языке: 8227 книг общим тиражом 16 млн. экземпляров. Это 80 % от числа изданий и 74 % от тиража. Кроме того, 1168 книг и брошюр было издано на белорусском языке, что составило 11,4 % от числа изданий и 17,1 % от тиража. На английском языке в 2015 году были изданы 593 книги и брошюры, имело место издание книг и на других языках. В то же время художественная литература в 2015 году в Беларуси издавалась, в основном, на белорусском языке. Книг прозы на русском языке, без учета детской литературы, было издано всего 32, тогда как на белорусском — 198. А книг с поэзией на белорусском языке было издано 256, тогда как на русском языке — всего 18.

Я бы, конечно, с большой осторожностью отнесся к данной статистике, допуская, что часть белорусской русскоязычной литературы наши органы статистики, благодаря кодификации Национальной книжной палаты, автоматически зачислили в список «русской», а значит, заграничной литературы. Т.е. в общем списке книг, выпущенных на русском языке, они учитывались, а в списке книг, подпадающих под определение «белорусская литература» — нет. Но про этот парадокс, в свое время, говорили еще писатель, профессор-филолог Анатолий Андреев и поэт Анатолий Аврутин. Тема эта так обширна, что ей можно посвящать отдельную статью. Но тенденции статистики в целом отражены верно. Так, в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» динамика издания книг прозы и поэзии, драматургии за последние четыре года следующая: 2013 год — издано 20 книг общим тиражом 6600 экземпляров, 2014 год — издано 27 книг общим тиражом 4470 экземпляров, 2015 год — издано 15 книг общим тиражом 2940 экземпляров, 2016 год — издано 10 книг общим тиражом 3890 экземпляров. Казалось бы, в прошлом году тираж подрос. Но если уточнить, то окажется, что подрос он благодаря выпуску романа одного из членов союза-минчан, изданного в Москве издательством «АСТ» тиражом 2,5 тыс. экземпляров. Если отнять их, то получится совсем «смехота» — 1390 экземпляров. Вот такие пироги. На лицо устойчивое падение как наименований книг, так и средних, а также совокупных тиражей. В такой ситуации не то, что о «крыльях» белорусской литературы, вообще ни о чем говорить не хочется. Так как впору кричать во всю глотку «караул»!

От редакции «Приокских зорь»: Уважаемый Олег Николаевич как-то упустил из виду, что возглавляемая им «Полоцкая ветвь» на практике проводит курс на поддержание и развитие дружеских, творческих отношений между писателями России и Белоруссии. Свидетельством чего является и настоящий «белорусский» номер нашего журнала (первый был № 1, 2015). И мы это отметили всероссийской литературной премией «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреатом которой стало юридическое лицо — Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

Клеванец Юрий — литературный критик, прозаик, литературовед, краевед. Родился в 1964 году в городе Красноярск-26, окончил среднюю школу в г. Осиповичи в 1981 г., МАИ в 1987 г. Литературной деятельностью занимается с 1994 года. С 2004 года избран секретарем Секции литературной критики и литературоведения РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КИБЕРНЕТИКА ГЕННАДИЯ РИМСКОГО

Уважаемые дамы и господа, этот год является юбилейным для белорусского деятеля науки и культуры Геннадия Римского (1936—2000). Г. Римский вступил в литературный союз «Полоцкая ветвь» в 1997 году. Вообще-то он был ученый и многолетний преподаватель Радиотехнического института, нынешнего Университета информатики и радиозлектроники, но также и многолетний литератор-любитель, что вообще водилось среди представителей советской науки.

Мне было предложено критически рассмотреть сборник стихов Г. Римского «Я люблю», изданного в Минске в 2007 году, поэтический двухтомник переводов с белорусского на русский «Антология белорусской поэзии», изданный в Москве в 2001 году, и прозаическое произведение, повесть «Последние дни Солдаи», напечатанную в журнале «Беларуская думка» в 2002 году.

Начну со стихотворений. В предисловии к поэтическому сборнику говорится, что писать стихи Г. Римский начал во времена, скажем так, «студенческой юности». Правда, юность автора была не студенческой, а курсантской — он обучался как будущий офицер-специалист по радиооборудованию в Высшем военно-морском училище в Гатчине. В какой-то момент, как пишет сам автор в одном из стихов, он начал фонтанировать рифмами. Стихов было так много, что курсант, по-видимому, даже несколько растерялся. Поэзия, скажем так, не совсем офицерское занятие, и выпускник училища задумался: не стоит ли оставить службу и пойти по литературной стезе? Однако настойчивость родителей перемогла сомнения. Профессиональным литератором Г. Римский так и не стал.

Ранние стихотворения автора сведены в раздел «Курсантская юность» разбираемого здесь поэтического сборника. Молодому человеку писалось тогда о том, что он сам видел и переживал. Так появились стихи о нелюбимой никем шагистике, о разгрузке вагонов с углем (поэт сердится: и это в век атома!), о том, что начальник учебной части (здесь можно добавить от себя: комендант или воспитатель общежития, куратор и так далее) подсматривает за курсантами, о том, что курсанты спят по-

рой на лекциях, но зато в свободное время, говоря современным языком, оттягиваются на всю катушку, о практике на учебных судах. Не менее половины стихов посвящены отношениям с противоположным полом, коллизиям, с которыми сталкивается, думаю, любой молодой человек вне зависимости от времени и места. Желанное недоступно, а доступное не только нежеланно, но даже и противно. Персиковый пушок, изгибы, извивы, мягкости, бледности и румянцы возбуждают страсти, но девушкам, оказывается, свойственно «динамить». Ну, и так далее. Стихов молодым курсантом действительно написано очень много, но они не поражают ни широтой тем, ни яркостью образов. В лирическом герое можно узнать и среднестатистического советского курсанта (совсем необязательно — моряка), и студента, и учащегося других учебных заведений, и молодого рабочего или солдата срочной службы.

Следующий стихотворный цикл отстоит от предыдущего примерно на десять лет. Написан он на отдыхе в Крыму, о чем говорит и его название — «Коктебельские заметки». Лирический герой этой подборки — уже не мятущийся юноша, а степенный муж и отец. Ни форма, ни тематика стихов здесь не претерпели принципиальных изменений по сравнению с «курсантской» поэзией. Автор по-прежнему поет о том, что видит перед собой. По-прежнему не всегда выдерживается ритм стиха, по-прежнему не всегда правильны рифмы. Образы несколько расплывчаты, как и ранее. Изменилось только общее настроение: от неприкаянности — к успокоенности.

Стихи еще одной подборки с названием «Искры чувств» писались на протяжении двадцати трех лет и, соответственно, она занимает самое большое место в книге.

Значительная часть стихов из этой подборки написана на отдыхе во время поездок в Крым и, как и прежде, в них воспеваются женская красота и крымские пейзажи.

Между тем на службе автор с каждым годом поднимается по карьерной лестнице, однако в стихах появляются раздумья и сомнения: а все ли правильно в этой жизни?

Вот, к примеру, стихотворение 1971 года «Чтобы спящих не встревожить».

*«Лекционное безмолвье:
Кто-то видит сладкий сон,
Кто читает, кто мечтает,
Кто-то в думы погружен».*

Лирический герой, преподаватель, ждет — не дожидется, когда прозвонит звонок. Еще каких-то лет пятнадцать назад он сам, надо думать, дремал на лекциях, а вот теперь все перевернулось, и приходится терпеть спящих студентов, делая вид, что ничего не замечаешь.

Степень неудовлетворенности повышается в стихотворении 1972 года:

*«Генрих Гейне из меня не вышел,
Как не вышел Пушкин и Толстой...
Голос ли судьбы я не услышал,
Или путь свой минул стороной?»*

Вновь, как и в курсантской юности, заметна раздвоенность: лирическому герою хочется заниматься литературой, но в реальности он преподаватель. Отдельно замечу, что в первой строчке упоминается Гейне. Стихи Г. Римского действительно больше всего напоминают творчество этого немецкого поэта, однако, как известно, «конец» Гейне — язвительная сатира, к примеру:

*«Вы, напыщенные дамы,
Вы, лоценые мужчины,
Как смешны мне будут сверху
Ваши плоские равнины».*

Даже пейзажная лирика немецкого классика имеет иронический подтекст. Ни сатиры, ни иронии у Г. Римского, как правило, нет, он, повторюсь, просто описывает то, что видит. Только временами в его стихах проскальзывает горькая усмешка.

Годы, как известно, не добавляют человеку ни здоровья, ни оптимизма. Еще через пятнадцать лет в стихах Г. Римского появляется тема старости и смерти:

*«Каждый год безжалостно несет
Новые и новые страданья.
Каждый год безжалостно берет
Ум, здоровье, силы и желанья».*

Это стихотворение 1987 года. Через пять лет родились такие строки:

*«Когда-нибудь придет за мной
Старуха черная с клюкой.
Я поклонюсь ей и без слов
Пойду в безмолвье вечных снов».*

В это время поэт, по-видимому, уже занимался в литературном объединении, стихи его стали заметно лучше, ровнее с точки зрения техники, появилось разнообразие форм: сонеты, элегии, триолеты, акrostихи. Именно такие произведения собраны в подборку «Жизнь человеческая». Часть из этих стихов публиковалась в газете «Знамя Юности».

В разделе «Жизнь человеческая» впервые появляются стихотворения, которые можно отнести к гражданской лирике. В основном это рифмованные порицания М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. В остальном же тематика осталась прежней. Представляется, что поэт все больше и больше устает от будничной рутины. А на отдыхе в Крыму успокаивается, отдыхает и телом, и душой. Там, на море, вновь просыпается интерес к женской прелести и красотам природы. А по возвращении — вновь заботы и тревоги:

*«Поэт, ученый, инженер,
Ну — секретарь парткома.
Морской когда-то офицер,
И вот — строитель дома».*

Это стихотворение написано во время строительства дачи. А еще через три года поэт подводит грустный итог своей поэтической деятельности:

*«Я книг своих, наверно, не увижу,
Перед уходом в грустный мир иной,
Хотя поэзия мне несравненно ближе,
Чем остальное, созданное мной».*

Еще одна грань творчества Г. Римского — художественный перевод. Автор проделал обширную работу, результатом которой стало издание в Москве «Антологии бе-

лорусской поэзии» в 2-х томах. Поэты «Антологии» поставлены в ряд в соответствии с датой рождения. В первом томе собраны произведения от Кирилла Туровского до Владимира Короткевича и Миколы Арочки, во втором томе — стихотворения, начиная с Олега Лойко (1931 года рождения) до Владимира Василькова. Васильков родился в 1984 году и на момент издания антологии был еще школьником, однако у него уже вышел к тому времени сборник поэзии. Обращает на себя внимание большой разрыв по времени между последним и предпоследним поэтами в антологии. То есть последний, Васильков, родился в 1984 году, а предпоследний, СяржукСыс — в 1962-ом.

Вообще говоря, некоторые стихи из двухтомника переведены удачно, а по другим, скажем так, есть вопросы. Порой стихотворения переведены механически, о чем весьма тактично написал русский поэт Н. Переяслов в своей статье — вступлении к двухтомнику.

Возьмем, к примеру, известное белорусское стихотворение П. Бровки с рефреном «пахнечабор, пахнечабор». Мы его в свое время проходили в школе. Мелодичность белорусского языка в какой-то мере является следствием «проглатывания» твердых согласный в окончаниях слов. И стихотворение Бровки звучит вполне приятно уху.

А вот при прямом переводе на русский получается: «пахнет чабрец, пахнет чабрец». Не всякий и выговорит. Здесь надо бы тридцать три раза подумать, для того, чтобы и передать в переводе идею автора, и чтобы это получилось по-настоящему поэтичным.

У Геннадия Римского было и прозаическое произведение, повесть «Последние дни Солдайи». Она была опубликована, повторюсь, в журнале «Беларуская думка». Повесть коротенькая, не более 30 страниц текста, и написана в духе Рафаэля Сабатини — пираты, фрегаты, красоти. Только у Г. Римского получился не «вестерн», а «истерн», с близким нам местом действия, Черным морем и Крымом. Солдайя — это старинная крепость, основанная генуэзцами, нынешний Судак. Представляется, что автор задумал свое произведение на отдыхе, под впечатлением от морского песочка, разнообразных Марусь, скал и старинных развалин на горке.

Как водится, писатель взял за основу некоторые известные из энциклопедий факты. Так, без особых усилий можно найти сведения, что в южном Крыму, византийской провинции времен раннего средневековья, после взятия Константинополя войском крестоносцев в начале XIII века обосновались генуэзцы, которые, собственно, и были спонсорами данной военной авантюры. Так же просто можно отыскать и факты распространения завоеваний турок, сельджуков и османов, даты основных сражений, в частности — завоевания той же Солдайи, имена главных исторических персонажей.

На эти факты, как на шампур, нанизана история военных и амурных походов молодого генуэзского консула Гарселло. Словесные портреты и характеры героев автор, по-видимому, взял просто из наблюдений за знакомыми или за соседями по отдыху на каком-нибудь черноморском побережье, добавив некоторые детали для того, чтобы персонажи повести не казались совсем уж современными. Женщины в повести чувственны и легкомысленны, молодые мужчины воинственны и авантюристичны, а пожилые — держатся за поясицы или за что-нибудь там еще и интригантствуют.

Вполне возможно, что рассматриваемая здесь повесть была написана во второй половине 80-х годов прошлого века. На это указывает поведение одного второстепенного персонажа, капитана генуэзского корабля. Этот морской волк на протяжении всего повествования глушит кружками чай. Каждый читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с авантурными морскими романами, согласится, что здесь что-то не так. Настоящим мореманам приличествует пить пиво, вино, ром из сахарного тростника. Да хоть бы и керосин — но только не чай.

Конец повести обнадеживающий. «Мы снова биты — это минус, но все ж мы вместе — это плюс!» Подразумевается, что все закончится пирком да за свадебку.

Таким образом, думаю, повесть «Последние дни Солдайи» хорошо подойдет в качестве времяпрепровождения на отдыхе, среди лежаков и гальки.

ХОЖДЕНИЕ ПО КРУГУ

Критические заметки по прочтении романа Я. Шафрана «Круг замкнулся»

Чем больше занимаюсь литературной деятельностью — тем больше обрастаю знакомствами. Чем сильнее обрастаю знакомствами — тем сложнее от них отрешиться во время работы. Все чаще приходит одна и та же мысль: ты разбираешь и оцениваешь произведение или его автора? Чем больше сомнений — тем больше времени нужно на выдержку, на отстаивание текста критической статьи или рецензии.

Благодаря активности председателя «Полоцкой Ветви» О. Зайцева, белорусские авторы, и я в том числе, получили возможность публиковаться в тульском журнале «Приокские зори». Вследствие этих публикаций ко мне по электронной почте пришло предложение прорецензировать роман тульского писателя Якова Шафрана «Круг замкнулся», вышедшего отдельным изданием в «Библиотеке журнала «Приокские зори».

После нескольких месяцев, потраченных на чтение, написание, доработки-переработки, у меня получился текст, представленный ниже. Я сам не стал бы называть его рецензией. Для рецензий, наверное, нужно иметь более благостное мирозерцание. Это все-таки критические заметки, что я и вынес в заголовок.

Общее настроение романа — постмодернистское, поскольку в нем присутствует смешение стилей, есть, как мне представляется, и отсылки к произведениям русской классической литературы. Здесь и элементы семейной саги (рассматриваются судьбы членов пяти семейств на протяжении нескольких десятилетий). Есть и какие-то параллели с Пастернаком (главный герой пишет стихи, которые приводятся в тексте). Какими-то страницами произведение Я. Шафрана напоминает «Сороку-воровку» (три господина обсуждают какие-то события, каждый — со своей точки зрения). Ну, а многостраничные описания оперативных совещаний на фирме, принадлежащей главному герою романа, напоминают «производственную прозу» полувекковой давности.

Сюжет романа сложен. Есть основная линия — судьба бизнесмена средней руки, принадлежащего к поколению нынешних сорокалетних. Впрочем, когда я пишу эти строки, то есть в мае 2016 года, герою уже, пожалуй, около полтинника. Есть переносы во времени — в первую половину XX века. Разновременные части соединяются тем, что в них действуют родственники, члены издавна знакомых друг с другом семейств: деды-прадеды и внуки-правнуки.

Итак, жил-был пацан с окраины, с «частного сектора» одного из провинциальных промышленных российских городов. Я, белорусский критик, разбирая произведения авторов из своей страны, без труда вижу в тексте приметы белорусских городов, где по воле писателей происходит действие, даже если название и не указывается в рассказе, повести или романе. В Туле я никогда не был, но если когда-нибудь побываю, то, думаю, тоже смогу узнать в ней тот Патрусевск, что описывает Я. Шафран.

Но продолжим. Жил-был пацан-безотцовщина. В свое время ковырялся в песочке, потом с удовольствием носил пионерский галстук. Пришла пора сбиваться в стаи — стал одним из лидеров подростковой стаи, а потом исправился. Я. Шафран, надо сказать, довольно бережно ведет по роману своего героя, опуская по своему усмотрению побочные линии сюжета и второстепенных героев. В жизни так не бывает. Весьма вероятна реализация такого сценария: к благообразному негодянцу под-

валивает некая пропитая харя, напоминает про общее «пацанское» прошлое, просит, требует, даже шантажирует. В жизни подобные коллизии разрешаются по-разному, а в художественном произведении при встрече и разговоре с указанной харей положительный персонаж однозначно потерял бы лицо. Поэтому, видимо, автор и удаляет все то, что может принизить героя в глазах читателя.

Я не зря употребил слово «благообразный». После того, как подростковая банда едва не убила какого-то постороннего пацана, герой одумался, поступил и окончил столичный строительный ВУЗ, работал по специальности, женился на подходящей молодой особе. Затем завел свой строительный и торговый бизнес, зажил, как люди.

Для справки. Как-то по московскому радио я слышал мнение какого-то эксперта-экономиста, что в России в представители среднего класса можно записывать человека, сумма движимого и недвижимого имущества которого оценивается в 100 тыс. долларов и выше. Если брать этот критерий оценки, то у нас, в Беларуси, царствует бедность, более разительная на востоке и юге, более опрятная — на западе. Соответственно «как люди» — это в России и в Беларуси немного разные понятия.

Затем — дефолт 1998 года, а в нашей стране это было время поисков «нормальных человеческих лиц». Не видевший перспектив для своего бизнеса, герой с семьей уезжает в Америку. Но там ему просто не понравилось, и, видимо, уже в новом тысячелетии семья возвращается в Россию, но не в Москву, а в родной город героя. Из дальних странствий репатриант привез бизнес-идею организации частной «Скорой помощи», что, кстати, давно не новость на Западе.

Далее — организационный период становления фирмы, согласование тридцати трех тысяч требований от разных инстанций. Финальный аккорд, так сказать, «крещендо» всей этой суеты — удовлетворение личных потребностей губернатора, по видимому, поставленного в область «на кормление», если говорить по-русски, а если по-польски времен Речи Посполитой — «на приставство».

Собственно период деловой активности был недолгим: «коль станичники пристали, поминай его, как звали». Губернатор — наш человек, а потребности нашего человека все возрастают и возрастают.

На владельца фирмы не без помощи исполнительной власти было заведено уголовное дело, пришлось судиться, подчиненные на суде, как водится, валили все на шефа, да еще параллельно выяснилось, что они бензинчик приворовывали... Короче говоря — пришлось еще раз раскошелиться ради того, чтобы дело закрыли, надо думать — это не последний случай. Пришлось, думаю, и поувольнять всех прежних работников. Я. Шафран не говорит об этом для того, чтобы не чернить светлый образ героя (повторюсь). Но кто же будет терпеть воров под боком — даже если и не все крали? Здесь круг замкнулся, что ни говори.

Параллельно развивается еще одно действие. С одной стороны автор описывает немудреную жизнь предков главного героя и некоторых окружающих — рабочих и крестьян, а с другой — бар-интеллигентов. Барская жизнь получилась более яркой, эффектной, интеллектуальной. Боюсь, что это произошло вследствие недостаточного знания автором дореволюционных реалий.

Как уже здесь говорилось, значительная доля «доисторических» врезок представляет собой дискуссию трех человек — монархиста, западника, патриота (у Герцена в «Сороке-воровке»: славянофил, западник, социалист). Встречи и споры этих людей происходят сперва в сонной и благостной царской России, затем — на болгарском побережье Черного моря, куда из Одессы направляются «философские пароходы», и, наконец, в Париже. Нужно, думаю, отдельно обратить внимание на сконструированную Я. Шафраном фигуру «патриота».

Создается впечатление, что этот персонаж обладает даром предвидения. Он так

правильно комментирует события, которые происходят в Российской империи, а затем — в Советской России, что начинаешь думать: а не наш ли это современник, заброшенный какой-то силой в прошлое? Я, критик, прожив уже немалую жизнь, никогда не сталкивался со сверхспособностями и скептически отношусь к их существованию вообще. Более того, думаю, здесь можно опереться и на собственный опыт 1990—92 годов. Тогда, помнится, были умники, пересказывавшие некоторые идеи, почерпнутые из газет разной политической принадлежности, из радио- и телепрограмм. Но громкоговоритель не может быть пророком.

Большая же часть людей (и я в том числе) ходили, втянув голову в плечи, пытались разобраться: а что же, собственно, произошло и что происходит. Весь мир вокруг стал каким-то зыбким и ненатуральным. На наших сограждан времен перестройки обрушивались водопады информации, но в них очень трудно было найти что-либо конкретное.

Думаю, то же самое можно было бы услышать от человека, пережившего эпоху революций и Гражданской войны (при условии, конечно, что он не был функционером партии большевиков).

Но функционеров-то уж точно было незначительное меньшинство. А большинство не понимало, колебалось — ну вот, как казак Мелехов, к примеру.

Вспомнив все, что я читал по теме «интеллигенция и революция», тоже не нашел ни одного героя, который бы просчитывал ситуацию в стране на несколько лет вперед. Многие и многие представители интеллигенции встали под красные знамена, как это, в конце концов, сделал и «патриот» из романа Я. Шафрана. Но одни, к примеру, видели в Гражданской войне и интервенции только продолжение Первой Мировой войны и считали своим долгом содействовать изгнанию иностранных оккупантов, другие разочаровались в Белом движении, третьих оттолкнула Гуляй поля, и так далее... Куча муравьев тащит палочку к себе на муравейник суммой векторов муравьиных сил.

...Итак, один из трех спорщиков в 1930-е годы вернулся из эмиграции в СССР (два других остались в Париже), преподавал в Ленинградском университете, пережил блокаду во время Великой Отечественной войны, написал большой труд на тему «как нам обустроить Россию».

Через несколько десятков лет его внук нашел главного героя романа (того самого организатора частной «Скорой помощи» и чьи предки когда-то были крестьянами барина-«патриота») и предложил ему помочь в издании дедовских трудов. Круг еще раз замкнулся.

Герои романа. Я. Шафран демонстрирует нам, говоря языком фотографов, «эффект длиннофокусного объектива». То есть из множества лиц как бы выхватывается одно, на нем сосредотачивается все внимание. Остальные персонажи видятся как блеклые тени. Что, к примеру, можно сказать о жене главного героя? Она заботливая мать, хорошая хозяйка, помощница мужу в бизнесе. И все? И все. Такими же ходячими функциями представляются дети героя (хорошие, но безликие), подчиненные в его фирме, друзья. То же самое можно сказать и про «историческую» часть. Будто это сцена, на которой специальный прожектор высветил трех рассуждающих господ, за спинами которых движутся какие-то фигуры, но какие — не разобрать.

Язык романа несколько суховат. Вследствие этого я, как читатель, начал втягиваться в чтение где-то с 130-ой страницы, когда действие стало убыстряться. Вообще говоря, считаю психологически правильным моментом, когда писатель сильнее «закручивает» сюжет от начала к концу. Такой прием удерживает внимание читателя, с этой точки зрения автора романа нужно похвалить.

Но вернемся к языку. Очень уж докучают правильные, но длинные и тяжеловес-

ные монологи героев. О том, как подавать в тексте разговоры людей, написано уже и много, и многими. Вот, к примеру, и Чехов, и Ал. Толстой как-то высказывались, что в данном случае правильное — неправильно, а неправильное — правильно. Далее. В русской литературе можно найти десять тысяч примеров того, как использование диалектизмов, каких-то местных словечек украшает повествование, служит дополнительной приманкой для читателя. Я. Шафран не использовал этот прием, его провинциалы, москвичи даже азербайджанцы из Нахичевани, где герой как-то проводил отпуск, говорят одинаково.

В целом роман «Круг замкнулся», по-видимому, следует отнести к, скажем так, мейнстриму современной русской литературы. Он дает представление о настроениях в российском обществе последних семи-восьми лет. Я, как человек, долгое время не бывший в России, вижу основную положительную сторону романа именно в этом.

Наталья Советная

(г. Городок Витебской обл., Белоруссия)

« Я НЕ ПРОШУ У БОЖЕСТВА ЧУДЕС...»

К 80-летию со дня рождения белорусского врача и поэта
Евгения Матвеева (1937—2005)

Наталья Советная родилась в пос. Янтарный Калининградской области. Десятилетку окончила в г. Городке Витебской области. Окончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, Ленинградский университет. Прозаик, поэт, публицист. Автор ряда публикаций в журналах России и Беларуси. Участница многочисленных коллективных сборников и альманахов. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «Цветок на морозе», «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Пучок травы», «На земном подсвечнике», «Венчики золотые». Имеет награды Союзов писателей России и Беларуси. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2015» (Псков).

В советской стране на учете в Союзе писателей числилось около десяти тысяч человек, на слуху же были имена самых известных — ярких. В настоящее время, с учетом расплывшихся общественных писательских объединений, число литераторов возросло, думается, в разы. Нелегко разглядеть среди такого потока света его частицу — сияющую звездочку — прозаика или поэта. Прав профессор БГУ А. Н. Андреев, утверждающий, что литература, общество нуждаются в целой армии специалистов-литературоведов, которые обязаны промывать песок издающихся текстов в поисках крупинки золота*.

Если бы не новая книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016), знакомого мне лексикографа Анатолия Павловича Бесперстых**, глубоким литературным знаниям и вкусу которого я доверяю, то могла бы пройти мимо блестящего белорусского поэта (писал на русском языке), жившего на Дятловщине.

---

* А. Н. Андреев. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве И. Григорьева. // Слово. Отечество. Вера: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.)/сост. Н. В. Советная.— СПб., 2015 г.— 216 с.

** А. П. Бесперстых (род. в 1942 г. в Ельце Липецкой обл., живет в Новополоцке (Беларусь) — уникальный человек и специалист-лексикограф, литературовед, поэт, влюбленный в Слово и посвятивший ему жизнь, изучивший тысячи текстов самых разных авторов, в одиночку составил десятки великолепных словарей эпитетов, фразеологизмов, афоризмов. Работая над русским словом, он не только отдает дань ярким звездам — выдающимся классикам литературы: А. П. Чехову, Ф. М. Достоевскому, С. А. Есенину, М. Ю. Лермонтову, Н. М. Рубцову и др., — но и с величайшим наслаждением работает над языком талантливейших, не уступающих классикам поэтов, еще недостаточно известных широкой публике, тем самым открывая их для литературоведов и почитателей поэзии. Среди них поэт и воин Игорь Григорьев (1923—1996), родом с Псковщины (свет увидели уже 3 тома словарей этого гиганта Слова — носителя удивительно народного русского языка), и поэт и врач Евгений Матвеев (1937—2005), также с псковскими корнями (богат край даровитыми людьми!).

Евгений Алексеевич Матвеев родился в деревне Ракитня Пыталовского района Псковской области (в то время территория принадлежала Латвии) второго декабря 1937 года. Ребенком пережил войну, испытав все ее страшные тяготы, потерял отца, погибшего на фронте.

*...Войны, войны... Их боль беспросветную
Сотни лет не избыть на Руси.
Оттого ль все преданья заветные
Душу жгут: злой огонь — негасим...
(«Боль памяти»)*

Мать, Анастасия Алексеевна, простая крестьянка, одна поднимала сына и дочерей (старшую Веру, младшую Инну, которые в девяностых в одиночасье оказались за границей — в Латвии). Когда мама с возрастом ослабела, благодарный сын перевез ее к себе в Новоельню. Ей посвятил поэму «Боль памяти».

В десятом классе Женя Матвеев тяжело заболел. Туберкулез позвоночника на целый год приковал паренька к постели. Лечащий врач пророчил ему короткий срок жизни: «Хорошо, если до тридцати дотянешь...». Но человек предполагает, а Господь располагает — чуть-чуть не дожил Евгений Алексеевич до семидесяти. Не курил, не употреблял спиртного, любил велосипед, свободное время проводил на природе:

*Не знаю, есть ли в этом воля Неба,
Иль умудряет опыт горьких лет,
Но запахи земли, травы и хлеба,
Хоть и просты, да их милее нет...
(«Не знаю, есть ли в этом воля неба»)*

Однако все дни Матвеева были пронизаны осознанием недолговечности бытия, и потому каждую минуту он старался прожить, как последнюю:

*На мне поторопились ставить крест —
С долгами я еще не рассчитался,
И не утрачен к жизни интерес,
Она в иной предстала ипостаси.
В ней явственнее виден свет небес,
Как высшее ее предназначенье...
(«На мне поторопились ставить крест»)*

Огромная семейная библиотека была для домочадцев не предметом хвастовства, а служила Его Величеству — Знаниям. Матвеев много читал, особенно в дни болезни. Вынужденное ограничение подвижности обострило его восприятие мира, слов, ощущений, чувств, — дало возможность для долгих размышлений, фантазий, творческого полета мысли. Он писал стихи, хотя стеснялся показывать их посторонним, делился изредка разве что с самыми близкими людьми.

Окончил десятилетку в Пыталове Псковской области, где жил у тетки в бедности, но не в обиде. Хозяин-родственник подарил болезненному пареньку офицерский китель со своего плеча, заменивший и пиджак, и куртку — на все случаи жизни. Возможно, именно перенесенная болезнь привела Женю затем в стены Минского медицинского вуза. Он выбрал профессию фтизиатра, по распределению уехал в Гродненскую область, в крупнейший (500 койко-мест) Белорусский республиканский

санаторий «Новоельня» (ныне республиканская туббольница), где проработал всю свою жизнь. Много лет трудился в должности начмеда, с выходом на пенсию до конца дней — лечащим врачом высшей категории.

Евгений Алексеевич — автор многочисленных публикаций в медицинских изданиях. Время, когда пришлось работать Матвееву, отличалось большими возможностями для профессионального творчества, новаторства в практической деятельности. Например, он предложил способ вливания антибиотиков непосредственно в туберкулезный очаг больного легкого, описал методику, опубликовал — специалисты подхватили, включили в свой врачебный арсенал и тем самым, несомненно, были спасены многие человеческие жизни.

Е. Матвеев слыл одаренным человеком. Имел не только талант врача, но и художника, артиста, режиссера, поэта, доказывая своим примером, что неординарная личность ярко светит миру даже из отдаленного хутора, а не только из славных столиц.

Художественные работы Евгения Алексеевича (он великолепно рисовал, работал с природным материалом — корни деревьев) хранятся в Гродненском, Калининградском, Дятловском и Новоельнинском школьном, где он вел поэтический кружок, музеях.

Матвеев обожал поэзию А. С. Пушкина и Сергея Есенина, прекрасно декламировал стихи. Художественное чтение, мир театра влекли деятельного врача на сцену, но в маленьком городском поселке реализовать дар режиссера, актера было негде... И тогда Евгений Алексеевич создал самодеятельный театр, главными актерами которого стали врачи санатория. Коллектив работал настолько энергично и плодотворно, что не раз и не два становился дипломантом республиканских конкурсов и фестивалей. Режиссерский талант Матвеева был не только замечен, но настолько высоко оценен профессионалами, что ему предложили работать в Брестском драматическом театре! Однако главному своему призванию — медицине, где он, без громких слов, спасал человеческие жизни (что может быть важнее?), Евгений Алексеевич не изменил.

И все же любимым и долгие годы глубоко потаенным увлечением этого удивительного человека оставалось поэтическое Слово.

Он кропотливо работал над стихотворными строчками, словно пчела над медовыми сотами. И сравнение это не лишнее, не для красного словца, ведь Евгений Алексеевич и с природой, и с ее неутомимыми труженицами-пчелами был весьма близок — более 40 лет имел личную пасеку, обслуживать которую помогала преданная жена Нила Ивановна, тоже врач (познакомились еще в годы учебы в медицинском институте). Совершенно мистическим образом вслед за Матвеевым ушли и пчелы — пасека погибла...

Стихи же остались жить! Усилиями супруги и друзей — могилевчан-поэтов Надежды Викторовны Полубинской (составитель всех книг поэта) и Эдуарда Иосифовича Медведского (постоянного редактора) — архив поэта был тщательно изучен, отобраны все достойные печати произведения, издана посмертная книга «Свиток грез земных» (Могилев, 2007). Первая же книга «Укажет сердце мне дорогу» увидела свет в Полоцке на десять лет раньше. Матвеев издал ее, вдохновленный настойчивостью жены, советом преподавателя Гродненского университета Конюшкевич Марии Михайловны (дружили семьями), а также положительными откликами знакомых литераторов, которым поэт все же отважился показать свои труды. Н. В. Полубинская в беседе с автором этой статьи вспоминала, с каким восторгом она и Э. И. Медведский знакомились с рукописями Матвеева, как восхищались его словом, мыслью, образностью. Это был один из самых ярких поэтов не только Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (по мнению О.Н. Зайцева, одного из руководителей общественной организации), но и поэт, достойный более высокого признания. Не случайно в 2004 году его книга была номинирована на премию Союзного государства Беларуси и России в области литературы и искусства.

Окрыленный поддержкой, поэт неутомимо (вечерами, ночью) работал над старыми и новыми текстами. И, словно боясь не успеть, издавал и издавал книги. Один за другим вышли поэтические сборники:

Душа слова молитвы ищет... (Могилев, 1999).
Храня любви небесный свет (Могилев, 2001).
Звезды над родным приютом (Могилев, 2002).
За ясновиденьем весны (Могилев, 2003).
Скращенье всех дорог (Могилев, 2004).
У берега живых (Могилев, 2005).

А. П. Бесперстых, имея тонкий вкус на русское слово, опыт прочтения сотен тысяч стихов, владея глубокими филологическими знаниями, работал над книгами Матвеева и восхищенно резюмировал: «Поэзия Матвеева — «сгусток» чувств, отражение самых сильных и сокровенных его переживаний:

*Мне реалистом быть советуют:
Восторги не для зрелых лет,
Но я считаю жизнь бесцветною,
Коль в ней для сказки места нет...
(«Ни на кого ты не похожая»)*

Сам ни на кого не похожий, ни под кого не подстраивающийся... Его принципы, жизненное кредо: служить Господу, а не господину, служить идее, а не носителю этой идеи. Подкупает простота, изумительная образность, афористичность его стихов. Вот, например, как метко говорит он о тщеславии:

*Тщеславие — игрушка дорогая,
Из арсенала дьявола она,
В конце концов, ты, сам себя сжигая,
Познаешь муки адские сполна.
(«Тщеславие — игрушка дорогая»)*

А вот как о человеческом равнодушии:

*Без жертвенного, ласкового света
Мир равнодушных беден и угрюм...
(«Что сердцем прежде не было согрето»)*

Трудно представить Евгения Матвеева без стихов о родной природе, у него был особый дар общения, единения с ней, понимания ее. Вот несколько цитат из его книг: «А небо, словно детская слеза, Светло, безоблачно и чисто» («Намаявшись, лежу под ивняком»). Дождя безудержные всхлипы, Стенанья ветра, поздний гром, Изгиб ветвей раздетой липы, Как рук трагический излом («Дождя безудержные всхлипы»). Сгустился полумрак белесый И, наконец-то, схлынул зной, А на ветру у ивы косы Засеребрились сединой («Сгустился полумрак белесый»).

Оценив талант поэта, А. П. Бесперстых составил «Словарь эпитетов Евгения Матвеева». И в результате только о березе насчитал 43 эпитета! (Легко душе усталой Сресть вечеряющих берез («Мне все здесь дорого до слез»)).

Всего же в книгу вошло более 2000 эпитетов, выраженных как прилагательными, так и существительными (приложения), и причастиями. В зависимости от употребления в тексте, составитель указал краткую и сравнительную степени прилагательных, отметил обособленные полные формы эпитетов-прилагательных и адъективы, выполняющие предикативную функцию.

Словарь снабжен указателем сокращений и условных обозначений. Построен в соответствии с русским алфавитом. Словарные статьи составлены исходя от эпитета, например: бархатно-нежная. Далее идут существительные, с которыми автор стихов употребил данное определение (например, трава). После каждого существительного дан пример употребления («У липовых клейких листочков пронзительный запах весны. Купается в этом настое Сад с бархатно-нежной травой, Где вишня под белой фатою, тюльпаны — в красе заревой»). Авторский текст представлен без сокращений, полной цитатой, что позволяет насладиться красотой поэтических строк, увидеть оригинальность и точность употребления поэтом эпитета. А. П. Бесперстных указывает в статье название стиха, из которого взята цитата, и номер, обозначающий поэтическую книгу Матвеева в прилагаемом списке источников, где опубликовано данное произведение.

Кроме того, если в тексте встречаются малознакомые слова, например, заимствованные из другого языка, лексикограф обязательно дает пояснение: Нава́ла (белорус.) — несчастье.

Таким образом, книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016) может успешно послужить дополнительным пособием для преподавателей русского языка, студентов, учащихся. Однако ее ценность этим не ограничивается. Она представляет интерес для краеведов, литературоведов, поэтов, т.к. является источником филологической информации, документом определенного времени нашей истории, позволяет оценить чудо индивидуальной неповторимости личности человека, выраженной в его Слове, которое есть носитель Духа.

Достойная поэзия не может возникнуть на пустой либо дурной почве.

*...Стихи не могут литься ниоткуда —
Криница их истоков не нова:
Душевный жар и горькая острада
Рождает сокровенные слова...
(«Есть музыка созвучий в заклинаньях»)*

О человеке же иногда красноречивее говорят не слова, с которыми можно играть, за которые можно прятаться (иные в это заключают свое жизненное кредо: никогда и никому не говорить правды, разве что — чуть-чуть, для иллюзии искренности, чтобы было легче обмануть или плести интриги), а ...молчание. «У отца оно было разговорчивее любой беседы, — поделился воспоминаниями Олег Евгеньевич Матвеев, тоже врач высшей категории, тоже спасающий людей от смерти, только в качестве реаниматолога (зав. отделением Петриковской районной больницы в Гомельской области). — Папа был удивительно отзывчивым, добрым, искренним человеком, предельно тактичным, честным. Он органически не переносил подлости, предательства. Верность друзьям — товарищам детства и юности, сохранил до конца».

— Будучи требовательным к другим, а в первую очередь к себе, в отношении работы, обязанностей, он был глубоко корректен, как истинно интеллигентный человек, — восхищались могилевские поэты-друзья Эдуард Медведский и Надежда Полубинская. — Евгений Алексеевич всегда деятельно сострадал людям в их бедах и горестях.

*...Всего важнее сохранить в себе
Любовь и сострадание живое...
(«Тень скепсиса тащу я за собой»)*

* * *

*Если сделать светлее печаль
И свою, и чужую не можешь,
Значит данная Небом свеча
Не мерцает в душе.
Ты ничтожен! —
Так себе в злые дни я кричу,
Так брюзжу я в бессонные ночи...
(«Если сделать светлее печаль»)*

* * *

*Нам любовь, как спасенье, дается,
В ней бессмертие грешной души...
(«Если ты хоть кому-нибудь нужен»)*

Поэзия Евгения Алексеевича, хотя он, крещенный в Православие, не был активным прихожанином храма, пронизана светом и духовностью, в ней живет Бог. Стихи Матвеева изобилуют словами: душа, небо, небесный, любовь, грех, смирение, милосердие, Бог, божественный... Есть и прямые обращения-молитвы к Всевышнему:

*Пошли, Господь, в час передраги мглистой
Душе моей смиренья мудрый свет...
(«Обилию невзгод не удивляюсь»)*

Критично анализируя жизнь, собственные поступки, Матвеев совестился, страдал, желая покаяния за слова и помыслы, известные лишь ему одному.

*Жизнь — цепь парадоксов, и часто
Мудреной загадке подстать:
За промахом следует счастье,
Успех может карою стать...
(«Жизнь — цепь парадоксов»)*

* * *

*...Но время расплаты настало —
Горька неприютность души...
(«За выбором следует выбор»)*

Без сомнения, Сам Господь обитал в душе поэта, ведь Он есть Любовь, которой было переполнено сердце страдальца:

*... Попрошу я у вечного неба
Светлых дней для моих земляков,

Чтоб не стали жестокими люди,*

*Чтоб счастливой росла детвора,
Чтобы бедный уверовал: будет
Завтра лучше, чем было вчера...*
(«Новоельня под крыльями сосен»)

Как и упомянутого выше замечательного поэта Игоря Григорьева*, в поэтических строках поэта Матвеева, родившегося в довоенное время, много видевшего и перенесшего, живет почти осязаемая горечь (правда-горечь, полынью горестного опыта, горестная накипь, горестный итог, у сердца горше нет беды, горька бесприютность души, горькая волна, горький день, боль горькой вдовьей доли, стал горьким запах прелого листа, досады горькой жженье, вера горькой истины и т.д.) и боль:

*Печаль глубока, безмерна,
А Бог благодать дает.
Но если душа бессмертна,
Бессмертна и боль ее.*
(«Душе нелегко без храма»)

Читающий человеческие души Всевышний, наверняка, видел, знал обитающее в сердце поэта милосердие и смирение, ибо одарил талантами и надолго продлил годы Евгения Алексеевича, вопреки страшным медицинским прогнозам.

*...Не за уменье ли терпеть
Мне послан этот дар небесный,
Чтоб, хоть не спеть, так прохрипеть
Я смог завецанную песню?*
(«Для путника, как дивный свет...»)

Евгений Алексеевич ушел из мира 14 февраля 2005 года. Но целебное тепло его души осталось в книгах и стихах, осталось и его имя в литературе — Поэт Евгений Матвеев!

*...Для всех, кто Поэзии подданным стал
Волшебный огонь не потушен,
Ведь с небом венчает она неспроста
Блаженные вещи души...*
(«Искусство веками плодит миражи»)

---

* Игорь Николаевич Григорьев родился 17 августа 1923 г. в деревне Ситовичи Порховского района, Псковской обл. В годы ВОВ — легендарный руководитель плюсского молодежного подполья, партизан, разведчик, орденноносец. Создатель и первый руководитель Псковского отделения Союза писателей СССР. Поэт, переводчик, автор 23 поэтических сборников, из которых две книги изданы посмертно. Умер 16 января 1996 г.